

Владимир Ханак

БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ

Олегу Охапкину

Выкиншад в тени облака и сосны,
Душа моя, ветра подруга, — куда невольное тело
Точно Европу Зевес умыкаешь гребнем волни,
Мощный бурун оставляя? — Дали твои темни, —
Не разглядеть, не объять... Зыбко в моей стране,
Помню лицо другой, когда над миром светлело.

Много ли замыслов из колыбели принес,
Выван как приванный, память отдельно хранящий
В безднах прапамяти. Близость помню небес
На плоскогорье Армянском. Вот Араката срез
Облачный. Две вершины. Слово и снег хрустящий.

Вот, я плыву, как ведаю, в море равнины,
Твердью как хлябь, ибо вожатый ныне
Не разделяет. Вижу огни островов,
Камнем уложен один: деревце мелкое, мох...
Бог родился на другом, жаль, голоса нет в помине.

Перевернуться на спину, что ли? Вперед не глядеть?
Вверх огоньки взошли — ворота ли то Эреба?
Не прижимаюсь телом — ветру вослед лететь,
Гулко уже в сосуде — последнюю выпить третью...
Оружье мое на дне, больше не треба.

Вот она, твердохлябь. Пространство, куда летишь?
Время, почто стоишь? Тишь Божьего мира
Душу моя клеймит, плавит ее как медь...
Прибой замграл на лире. Ангел готовил сеть.

Здесь ждал. Друзья мои за бортом
Пасут одиночества. Душа обнимает всех. Но на маяк
мотыльком

Не полетит, — отныне не избираю
Праведника стезю. Сад в небесах стоит.

Там ли Господень Суд мертвого веселит?
Кит шевелит хвостом, и где-то Россия с краю.

Холодно ли тебе так лежать? Обниму
Тело твое. Мое тело твое. Осица
Теплый качает труп. Чем мне. Куда люб -
Горьким изгибом губ... Сделавший дело раб
Место, глядишь, найдет одесную Сына.

Да, выбирать свободно обречена
Богом душа. Портвейного выпью вина
Где-нибудь в Купчине, в парадняке, где теплее
Думается про жизнь, насколько она видна
Тридцать пятой весной, в укромный закат алея.

Да будет он беззаботным! Всех и делов, что вошь,
Лапочку, отвязать, вытрясти из кармана.
Будущее мое плоско лежит, как лещ,
Позевывая, плывет к берегу океана,
И в поселковых рощах даже зверь я не трохъ.

Кто, я забыл, за что сразил Немецкого льва,
Орфей или Геркулес, я позабыл, со лба
Стряхивая муравья. Вот, я забыл, кто я.

Спорить - чужое пить. Печали коня гропи,
Путь выбрал и пах. Верил, что неудача
Благословляет опытом. Благословляю встречи.
Возраст след размывает. Мышь в бороде шуршит.

Вот, разминаю меру земную... Несу
Более, чем стяжали. Шутка ли! - бо не просит
Тайное толмача. Ангел закинул сеть,
Вытащил мир, другой, третий - на выбор: осень,
Может быть, ранняя, с листьями на весу,
Или весна. Волна. Песня сознанье гасит.

Берег достичь - постичь тайну, куда плывем.
Мелко идет Гольфстрим. Бесцелое слово
Мигает волне звездой. В дудочке тростниковой
Вижу его раструб - роща из них взойдет...

Роща моя, зеленей! Все, чем душа жива,
Все, чем, дыша, плачу Господу за потраву -
Молитва ли то моя? Мольба ли моя? Молва
Времени о себе?

...Что я, - я щепчу, - отраву
Опробовала, душа? Тебе ли, душа, права
На берег, на острова... и халкую славу...

ПЕРЕСЫПАЮ ГОДЫ, КАК ПЕСОК...

Пересыпая годы, как песок,
Я чую где-то там, за пеленов,
Иную жизнь, без пленя за спиной
Египетского, чьим прямым синонимом было, есть и будет колесо.

Плачь, Муза, возвлебнишай страну!
Меняй, душа, походку и повадку!
Я трижды эту землю прокляну,
Чтоб обрести, - и, засветив хампадку,
Сам вынесу и долу приверну.

Блуждающим в медлительном пространстве
Знакома речь невнятная моих:
Не голосом, застывшем в постоянстве,
Но придыхом, явившимся в убранстве
Лесного недоноска - соловья.

И я ему клонился и склонил
Припадочную спину, вывих горла,
Чей столб уже подтачивали сверла
Трудящегося слова - и простерла
Его бахезнь, наперсница меня.

Кто диалектику поймет Творца
В творении, пока подслеповато
Трудящийся ворует, комковатой
Чреват душой, которая чревата,
И голубя пускает за живца?

ПОСВЯЩЕНИЕ

Что показалось странным? — то, что вдруг
явился гость и показался странным
Мы на плоту отплыли деревянном
лодорным воле волн и силье рук
держащих руль — и был рассвет туманным

Я гость — ей ф сказал: Сия река
меня уносит так неотвратимо
что ты — и здесь — мне так же далека
как год назад — и два, и три, вестимо
Как ты не поняла: проходят мимо
года Судьбы — вот в чем она строга

Она сказала: Ветер золотой
тяжелый, тусклый должен нам поведать
что время яблок, падающих с веток
не кончилось: несмевший миг отведать
век обречен. А годы — звук пустой

Поведать — нам. Но, — я сказал, — тогда
закон теченья будет опорочен
как принцип. В нем — субстанция стыда
А без стыда и Божий дар непрочен
Плот лишь тогда плывет, когда бежит вода

Тогда она сказала: На реке
где мы плывем, любой закон бесправен
подобно нищему возле закрытых ставен
и салезию в прибрежном тростнике
Смотри: твоя рука в моей руке
Чертог наш брачный яствами уставлен

Обманчивость — существенна. Волна —
обманутая Прошлым Жизнь. По водам
тебя я поведу. Богиня родом —
я вечна, как и ты, но я земна
и я еще земнее с каждым годом

Да, — я сказал, и повторил я, — да
Туманный берег вину я повсюду
сквозь флер времен. А сколь я в них пребуду
то знать мне не дано. Но ты — какому чуду
причастна ты? Прекрасна и горда.

она сказала: То, что шевелит
земную твердь и неба покрываю
Все то, что есть, пребудет и бывало
Так вот... — в моем сознании всплывало
О, смерть моя! — ты Лета и Линия

СТИХИК

на мостовой на мостовой
о нашей доле волевой
о нас с тобой — молчок

по мостовым по мостовым
по мостовым туман и дым
и винил и мурло

хотим — к приятелю зайдем
в глухой пролет косым дождем
страдая поблевать

Вниз годовой висят дома
сумеешь — не сойдешь с ума
кто умер — тот не спит

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕЧАЛЕ

Легко сказать, не ожидайте писем
Из атмосферы быстролетной, летной
Бог мечет молнии и поражает винт
И писем не приносит письмоносец

Я вспоминаю: красная весна
Лицом чешуйчатым валилась на дорогу
Мне в голову, в глазницы молодые
Чтоб воду тишины не замутить

Вкусна она была, вкусным-вкусна
Строительный качался лес - и ыровень
Плыла ворона, галка, грач, синица
Солнца землю - ешь, не подавись!

Там, стало быть, судьба свое хотела
За одобное двоим платили тело
Рубли крестов и луковки и воздух
Окрестностей - от страсти золотой

Воздвигнуть дверь, как будто в очи клюнуть
И я зарыл серебряные счеты
На поле голубом под ржавым плугом
Для вспашки ежегодной целины

Ты, глубоко распаханное сердце
Лежи себе - любовь семян не бросит
В твоё нутро, трепещущее болью...
Так смысь же - время, подлинность, восторг!

Легко сказать, да тяжело поверить

ВСТРЕЧА

Мир сузился...

Она вошла, но я не обернулся,
Хоть и услышал голос, - продолжал
Довольно скучный разговор с Французом,
Профессором Сорбонны, о Лескове...
Француз, вестимо, шел сплошную чушь.

Вокруг толпилось множество народу:
Художники, писатели, богема, -
По большей части русские из новых,
Три педиатра, пара лесбиянок,
Та, что постарше, называлась "муж".

Шумели - хором: "Миссии России...
Свет? - ясно, что не с Запада... Исаич
Опять зарвался... Европейцы - дети
Или дерьмо... Никто не покупает
Картини... Томно... Не о чем писать..."

Тем более, что платят страшно мало,
Сквалиги! .." В жалтом воздухе кружились
Обрывки фраз, воспоминанья, девы,
Туман, сугробы, Царское, Таганка...
Как раз, когда я начал провисать -

Она вошла. Нет, я не обернулся.
Не то, чтоб я всерьез боялся встречи:
Прошло так много лет, что боль утихла,
И даже любопытства не осталось,
А это верный признак, что душа

Покинула тенеты самолюбия.
И раны сердца, говоря бацально,
Зарубцевались... В самом деле, сколько
Хранить обиду?! Про себя все это
Тверди, я обернулся не спеша,

- И я увидел... На высоком ложе,
Окружена густой толпой троицев,
Совсем не изменившаяся внешне,
Она лежала с пленимой улыбкой
И что-то щебетала... И тогда,

Привнись вам, я растерялся. Стены
Содвинулись... Мне сразу стало тесно.
Рука сама царапала обшивку,
Нашупывая выход... Ойкнув, воля
Сломалась пополам. Не без труда

Я выбрался, едва-едва не выпав
Из брика деревянного шлюна
На землю... и узнал ее! - Все то же:

Дорога, стены, площадь, дом... и ЭТА,
Воспетая когда-то мной - СЛЕПЫМ!

Столь вдохновенно, что слепые очи
Мои открылись в будущее: Что мне
В ее любви и нелюбви! И что мне
Душа чужая и судьба чужая!
И я спокойно отвернула лицо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Да, это он... Итака. Остров - мой.
И все-таки немного странно... Впрочем,
Я много лет здесь не был - долгих лет,
Похожих больше на тысячелетья.
Да, следует признать: я дома. И один.
Моих гребцов пожрали злые волны.
Мыс дом теперь на дне, в морских пучинах,
В руинах затонувших городов.
Конец пути - не все ль равно, каков он,
Когда не цель важна, а самый путь.
Прощайте! Знаю, на меня в обиде
Погибли вы: за то, что одному
Мне было суждено доплыть. Глупцы! -
Всю жизнь скитаясь по земному лику,
Покорный воле иститательных богов,
Давно я понял: как и человеку,
И даже много больше чем ему,
Им свойственно стремление к совершенству.
И свой ища повсюду идеал,
И не найдя, естественно, ни где
Искомое - омы его руками
Своими лепят собственными: Боги!
Так ныне полководец Одиссей,
Что хитростью ускорил взятие Троя,
Соединил в себе одном - царя
Благословенной маленькой Итаки,
И рухового на корме ладьи,

И варвара, который за веслом
Сидел от носа третьим. Ваша сила
Во мне навеки. Впрочем, мне вас халь.
Себя же хальче - втрое: тяжело
Таскать в себе такую силу. Мышцы
Мои болят. На берег островка
Я еле выполз... Вы - во мне. Я - дома.
Обдумаем, что делать... Наперед
Я знаю все, что ожидает гости,
Точней, хозяина. О, к званью своему
Еще мне нужно время, чтоб привыкнуть.
Во-первых, женихи... Какая чушь!
К себе домой вернувшись после бойни
Я должен снова воевать с толпой
Людей, по сути дела невиновных.
Ну, женихи... и что ж, что женихи!
На месте их и я б, наверно, так же
Повел себя, и так же объедал...
Хозяина, коль он такой бродяга.
Нет! видят боги... впрочем, это им
Я и обязан этакой работкой,
Довольно хлопотливой. Идеал -
Уж коли кто попал на эту должность -
Обязан выполнять свои геройства.
А я устал. Я... здесь не слышат... стар.
И - пусть все слышат - мудр. И мне причуды
Божественной их воли - как вино
Тому, кто бросил пить. Нет, в самом деле,
Порой я думаю, да что там! - просто вину -
Как ничто этот куст - что не они.
Командуют растений буйным ростом,
Струенiem волн морских, и пресных вод,
И жизнью человеческой - со всеми
Ее трудами, глупостью, борьбой,
И даже - доходя до богохульства -
Что собственной бессмертной судьбой
Порой правят не они, а что-то,
Чего, боясь греха, не назову.

Ну, разве что намеком: "Сотня овнов
На твой алтарь, Инерции мышенья!"
Чего, не важно... Я отвлекся. Ждут
Меня дела, хоть лучше бы не ждали.
Бр-р... женщины! А после... Что с женой
Я должен делать после жаркой схватки?
На ложе - ясно. А потом... потом?..
Ее узнать - и то мне будет трудно.
К тому же эта верность, то есть блажь...
Ей не понять, что мы уже не те.
И дело здесь не в возрасте: ни кожа
С морщинками и пятнами, ни грудь,
Обвисшая, как паруса при штиле,
Без ласки мужа... Ныне между нами -
Скажу я ей - бескрайний океан
И годы - сколько волн на океане -
Скажу я ей... А что она поймет?!

Обиды, слезы, женские уловки
Вначале - я ручалось! а потом -
Укоры молчаливые и вздохи,
В которых будет - как бы тайный - смысл,
Понятный всем до пастуха и прачки:
"Я так тебе была верна - а ты..."

А я - подлец, тиран, жестокий муж,
В чужих глазах поддерживая эту
Иллюзию - иллюзию ли?.. буду
Свободен и спокоен, ибо знаю,
Что ощущение правоты - жене,
Как, впрочем, всем - вполне заменит дело.
А Телемак?.. О, мальчик все поймет!
Мужчина не всегда поймет мужчину,
Но чувства все же родственны у них.
Хотя бы в том, что бабам не дано.
Ведь боги через нас диктуют волю,
И нам ее - не бабам - выполнить.
Вот, например, мои гребцы - они,
Они меня не поняли. Но хватит.

Вперед, Улисс! Нас жаждут лицеэреть
И дом, и женщины, и Пенелопа.
Тропинка, если память мне не врет,
Ведет к овчарне у ручья. Без света
Пройти довольно сложно: камни, грязь.
Клянусь Ареем! У меня в груди
Как в черной бездне: щщ злость, тоска... и скуча
Такая, что невольно лезет мысль -
Не лучше ль было, Одиссей, остаться
Тебе у Навзикаи, у Калипсе,
У милых тех сирен: так сладко пели...
Приимичный остров... Даже Полифем
Меня страшит не больше, чем жена
И сын - не Телемак и Пенелопа -
А те, что были... столько лет назад...
Кто там поет? Сирены?.. Показалось...
Нет, в самом деле, лучше к ним. Я здесь
Не у себя. Для гражданина мира,
Для странника, бродяги, моряка,
Отчизны нет. Любой из островов,
Любая часть мне немножечко суши.
Мне дом. И море. Там мои друзья.
Я там скитался больше лет, чем прожил,
И расстояний был длиннее путь.
Как объяснить другим, когда умом
Я сам не понимаю - только ясно,
Нет, - бесконечно ясно ощущаю -
Душой, что в человечестве права
Гражданства /право мыш цепь - неважно/
Я потерял навеки. И теперь
Я подданный другого государства,
Где нет царей, их жен, где нет героев,
А только море, волны, на скале
Угрюмый куст, и горы, горизонта
Поправшие неумолимый круг.
И снег на их вершинах. Боги! Боги!
Так что ж я медлю?! - Встань, хромой гребец, -

И за весло. И ты, приятель варвар,
Садись сюда, где ты привык сидеть
В морских веселых скважинах и походах.
Спеши и ты, мой верный рулевой!
Поднимем наш дырявый белый парус...
И в море! в море! Здравствуй, злая зыбь!
Лети, ладья, на белопенном гребне
Прочь от несносных этих берегов
Вперед, вперед! Сильней гребите, весла!
Здесь, среди волн, мы все — и ты, и я,
И я, когда-то царь, а ныне просто.
Грек Одиссей, хитрющий старый грек,
Познавший жизнь до рокового края —
О! только здесь мы дома, тени. Дома.

х х х

Весь день синела высота,
Захваченная на привале,
И собираясь у моста,
Фасады густо оживали
И красились.

И цвел для всех
Пассаж. А над продажей книжек
Шаманил и сгущался смех,
Сшибался Невским и Парижем.

Люблю французов языка!
Как чутко в наших палестинах
Мы ощущаем их закат
По пригородам и в гостинных,
Где — у потомства ни в чести —
С улыбкой вечера на утро
Они, как странники в пути,
Утомлены легко и мудро.

А мой прохожий не таков —
Не выбирая выраженья,
Он хает собственных богов
И глухо жаждет возрожденья.

ТАИНЫ УЧИТЕЛЬ

светлой памяти

1.

Не попрощался, но угли
Каинул мгновенным освещеньем.
Стихий взаимоотношеньям
Слова случайны и мали.

2.

Считал. Шаманы. — В глубине
Творилось действие от Бога.
Дошел до края, до порога.
Вздохнул, накинул плащ в огне.

3.

Ушел, а память прижилась.
Портрет покрылся вязкой тенью,
Оставив только возле глаз
Сиянье, равное цветению.

4.

Еще играют чары сна
Сквозь толщу бликами живыми.
Пока затверживали имя —
Его сглотнула тишина.

ВИЛЬНЮССКАЯ ЭЛЕГИЯ

В квартире полумрак, за окнами светлее.
Индийский, сорт второй, чем крепче, тем вкуснее.
Кот, старожил сих мест, не спит и смотрит косо,
И гаснет папироса.

России нежный сын — родства, увы, не вынес:
По горло ею сбит, куда поеду? — в Вильнюс.
Не менее, чем те, люблю я камни эти,
И поджимают пети-мети.

Страна чужих людей, надежда и разлука..
Здесь верная меня, конечно, ждет подруга.
А в Ленинграде дождь, друзья — изгой,
И все такое.

Пусть более, чем мы, прочны, здоровы, сыты,
Пребудут этих мест дома, трава, ракиты,
Костелы и цветы, поэзия и реки,
И человеки.

Мышиные права, живу как бы не живши.
Любимая права, остыниши, позабывши,
И, вижу, надо
Другие мне искать места для променада.

Невнятная любовь, случайные беседы.
И местные меня к себе не ждут поэты.
И кажутся слова пустыми в самом деле,
И приврачными цели...

ПРОЩАНИЕ С ПРИБАЛТИКОЙ

Виктории Фридман

1.

По бессоннице сух прибалтийский лесок.
Ель гулляет при ели, как локоть подростка.
Почему эти волосы наискосок?
Поломалась, как видно, прически.

Так и высушит, чтобы потом леденел
На морозном ветру в предарктической форте:
Дескать, вам леденеть — только лучше звенеть...
Приготовят на вид даровитую снедь,
Приглядят мухомор на пригорке.

Что, далекий? что, милый, нежная вся?..
Оглянись: я опомнился, я погибаю —
Не домком не ладком колыбельку тряся
Ненаглядного башки-бая.

Нелегко, но просторно. Любимая спит.
Просыпается, дышит несмело...
— Не люблю, говоришь? — Не люблю, говорит.
— Не люблю, говорит, — отболело.

2.

Касталийский юнец деловитый, пророк, иждевец...
Молоко на губах, на висках не обыграна соль...
Что-то день прочирикал, что-то день промелькнул
без мученьиц.
С неба сыплется манна и в рост посыпает фасоль.
Не о небе сейчас говорю, что сгорает для леса
В черных кущах и калицах между холмов...
Им бы в пору дуэтом сыграть, но уже расступилась
завеса:

Черепичная видимость, краснокоричневый мох.
Я об Анне кирпичной свое отыграл на свирели.
Позапозавчерашней — и высвистел все и отпел.
Я забыл и не помню, зачем эти листья шумели, —
Да и кто из живых понапрасну в душе не шумел?
Даль заплатит за даль, значит, время заплатит за
время.
Отпускающий с миром измену оплатит собой.
Для кого обживается эта страна междуземья,
Этот страшный простор голубой?
Тянет сердце и мозг заревая небесная сила.
Ни о чем расспроси, и к чему-нибудь там приневоль...
Что брала — то взяла! И — задумавшись —
не возвратила...
И судьба повернулась: не доля уже,
а юдоль.

ПОЛУЭЛЕГИЯ

...шумел листвой так тихо, - что Вергилий
и тот не поднимался спозаранку.

- Не спи, поэт, пора вести быков!
А нам-то что с тобой из этой гряды
веков, тебе - певцу, и мне - подранку
на собственной охоте?

С облаков

тихонько сеет дождик. Хуторянам
опять сбирать на утро медяки.
Живу в природе. Дни мои легки.
Приятели мне пишут: "Воты нагрянем..."
Нагрянут, как же...

А по ночам вступают петухи
по очереди или общим хором.
Округа дремлет. Петушиный форум
решает про пеструшку имярек,
уволенную при попытке бегства:
"Характеристики ей, курве, не давать."

Что ж... им видней. Написан накануне,
грустит мой стих, которому дано
жить после смерти автора. В окно
подглядывает бес...

Причем --

ГОВНО -
не знает, что подглядывает втуле.

00000000